

За рулём сидел помощник Цинь Чэна. Цинь Чэн открыл дверь и осторожно усадил пьяного юношу на заднее сиденье автомобиля. Когда он открыл дверь с другой стороны и наклонился, чтобы сесть, он внезапно замер, уставившись на юношу, который невероятно быстро проснулся.

Уличный фонарь тускло освещал лицо Жун Сюя через дверь, которую Цинь Чэн никак не спешил закрывать. В конце концов, он всё же выпил несколько бокалов вина, поэтому его щёки были румяными, а взгляд туманным.

Ло Вэй внезапно воскликнула:

— Эй, Сяо Сюй, разве Вы не были пьяны?! Почему Вы вдруг...

Жун Сюй беспомощно покачал головой. Он повернулся, чтобы взглянуть на Цинь Чэна, а затем перевёл взгляд на девушку на переднем пассажирском сиденье. Он улыбнулся ей:

— Сестрёнка Ло, если бы я не притворился пьяным, думаешь, Лю Лао отпустил бы меня так просто? Сколько бокалов я выпил? Я видел, что там ещё оставалось пять или шесть неоткрытых бутылок спиртного...

Услышав эти слова, Ло Вэй некоторое время не реагировала. Через некоторое время она, наконец, улыбнулась:

— Сяо Сюй, какой Вы плохой...

Цинь Чэн, наконец, уселся на своё сиденье, и автомобиль двинулся по направлению к отелю.

Жун Сюй отличался от Цинь Чэна. Он был моложе, был очень популярен среди команды, и ему сегодня посвящали много тостов. Если бы он остался на сегодняшнем банкете до ночи, он наверняка выпил бы слишком много, и завтра у него болела бы голова.

Увидев, что Лю Лао снова собирается произносить тост, а также поняв, что он до сих пор не пьян, Жун Сюй сделал простой и очевидный выбор: притвориться пьяным. Он был современным юношей нового поколения и совсем не испытывал при этой лжи ни малейших угрызений совести.

Однако по прибытию на стоянку отеля, Жун Сюй не сразу вышел из машины, поскольку внезапно слышал голоса нескольких женщин из съёмочной команды, которые тоже рано

покинули банкет и вернулись в отель.

В мгновение ока Жун Сюй повернул голову и посмотрел на мужчину на соседнем сиденье.

Глаза Цинь Чэна были скрыты в тени, но юноша улыбнулся ему и приподнял бровь. Цинь Чэн сразу же вышел из машины и обошёл её, чтобы открыть Жун Сюю дверь. Едва открыв её, он увидел, что этот красивый юноша уже снова закрыл глаза и прикинулся пьяным.

В глазах Цинь Чэна промелькнула беспомощность, и он снова наклонился и поднял Жун Сюя на руки.

Несколько сотрудников, стоявших неподалеку, увидели эту сцену и принялись потрясённо перешептываться.

— Эй, посмотри! Жун Сюй, кажется, действительно пьян! В конце концов, он ещё ребёнок, а наш босс — известный любитель выпить!

— Нет, я видела, что старый Чжао налил ему всего два бокала!

— Цинь Чэн так заботится о нём! У них действительно очень хорошие отношения. Не зря они росли вместе с самого детства...

Голоса постепенно утихли, и Цинь Чэн осторожно внёс юношу в лифт, придерживая двери. Юноша тут же тихонько потёрся лицом о его грудь, и тёплое дыхание окатило Цинь Чэна волной. Тоненькая летняя рубашка не могла спасти его от этого жара.

Юноша тихонько рассмеялся и прошептал так, чтобы его услышал только Цинь Чэн:

— Ты нарочно...

Цинь Чэн слегка опустил глаза, но не произнёс ни слова, как будто ничего не слышал.

Жун Сюй прижался к нему лицом, и горячий воздух из его рта снова окутал грудь мужчины, заставив его онеметь.

— Ты же специально меня так к себе прижимаешь. — снова прошептал юноша.

Цинь Чэн лишь скривил губы, продолжая молчать.

Однако затем в лифт вошли их помощники, и Цинь Чэн больше не мог молчать. Взглянув на мужчин, Ло Вэй заколебалась и нахмурилась. В конце концов, она всё же выпалила:

— Бог Цинь... Мистер Цинь, здесь уже должно быть безопасно. Может поставите Сяо Сюя на пол?..

Цинь Чэн бросил взгляд на Ло Вэй и спокойно ответил:

— На этаже могут быть ещё люди из команды.

Ло Вэй хотела сказать что-то ещё, тем более, что она прекрасно помнила, что сотрудники команды поселились в номерах на нижних этажах. Но заглянув в спокойные глубокие глаза мужчины, она решила замолкнуть. Когда лифт уже поднялся на нужный этаж, она вдруг осознала: «Эй! Почему я забыла сказать то, что хотела сказать?! Сотрудников ведь просто невозможно встретить на этаже Жун Сюя!»

Помощник Цинь Чэна лишь молча взглянул на неё и со знающим видом отвернулся.

Выйдя из лифта, Цинь Чэн всю дорогу держал Жун Сюя на руках, донеся его до самых дверей его номера.

Поскольку они уже были у двери, Жун Сюй, естественно, захотел спуститься на землю. Кто же знал, что Цинь Чэн не позволит ему этого сделать, а спокойно скажет:

— Если тебя кто-нибудь увидит, все твои старания пойдут насмарку.

В общем, Жун Сюю оставалось только уткнуться лицом в грудь мужчины и продолжить притворяться пьяным.

— Где ключ-карта от номера? — спросил Цинь Чэн.

Жун Сюй прошептал:

— В кармане брюк. — говоря это, он собирался протянуть руку и самостоятельно достать её.

Однако в следующий момент чья-то горячая ладонь нежно погладила его по бедру. Жун Сюй тут же открыл глаза и с удивлением посмотрел на Цинь Чэна. Он лежал в объятиях мужчины и удивлённо таращился на него, не в силах поверить в происходящее. Мужчина действительно трогал его за бедро, пока не достиг... того самого места!

Выудив из кармана юноши ключ-карту, и Цинь Чэн неловко поводит ей по двери, пока она, наконец, не открылась.

Он приобнял Жун Сюя и шагнул внутрь. Дождавшись момент, когда дверь закроется, Жун Сюй

вырвался из его объятий и встал на ноги. Его щёки всё ещё были красными, но теперь, похоже, уже не от алкоголя. Его губы были плотно сжаты, а глаза смотрели на мужчину напротив.

Цинь Чэн спокойно смотрел на него, как будто не понимал, что такого он только что сделал. Затем он откинулся назад, прислонился к массивной двери из красного дерева и слегка улыбнулся:

— Что ж, теперь больше не нужно беспокоиться о том, что тебя кто-то может увидеть.

Жун Сюй сопротивлялся теплу, разливающемуся по его щекам, чуть не забыв о том, как нагло этот мужчина только что «ел тофу*». Он выхватил у него из рук свою ключ-карту, повернулся и помчался в ванную, где тут же запер дверь и включил холодную воду, начав умываться.

Всё произошло очень быстро. В мгновение ока застенчивый подросток спрятался от мужчины в ванной.

Глядя ему вслед, Цинь Чэн ещё не скоро отреагировал. Он не мог не улыбнуться и уже собирался повернуться и уйти, но, коснувшись пальцем дверной ручки, он внезапно остановился. Затем он стал дожидаться, пока Жун Сюй выйдет из ванной.

Жун Сюй забыл взять пижаму, поэтому из душа он вышел в одном лишь белом халате отеля, когда вдруг увидел на своей кровати Цинь Чэна, сидевшего в телефоне.

Жун Сюй:

— ...

После некоторого смятения юноша спокойно пошёл искать свою пижаму и как бы невзначай спросил:

— Ты не ушёл? Я думал, у тебя завтра съёмки.

Цинь Чэн отложил свой телефон в сторону; его взгляд скользнул по белоснежному халату и, наконец, задержался на красивых белых ногах юноши. Он смотрел на длинные прямые ноги самым глубоким взглядом. Долгое время спустя он, наконец, ответил:

— Лю Лао же объявил, что завтра... — Жун Сюй наконец нашёл пижаму, и Цинь Чэн, сделав паузу, продолжил. — Завтра выходной.

— Да, точно. — небрежно ответил Жун Сюй и подсознательно уже готовился переодеться, однако развязав пояс халата, внезапно замер.

Обернувшись, он убедился: мужчина действительно смотрит на него.

Жун Сюй:

— ...

Через некоторое время он спросил:

— Ты собираешься всё время вот так на меня смотреть?..

Цинь Чэн невозмутимо ответил:

— Я ни на что не смотрел.

Жун Сюй:

— ...

Глядя на невинное выражение лица этого красавца, Жун Сюй скривил губы, и его сердце сжалось. Во-первых, потому что этот мужчина был таким по-детски милым, а во-вторых, потому что это чувство было ему незнакомо. Он прожил уже вторую свою жизнь, но так он чувствовал себя только рядом с этим мужчиной...

Почувствовав внезапный прилив озорства, Жун Сюй намеренно повысил тон и небрежно заявил:

— Оу! Что ж, дело твоё.

Затем он повернулся к мужчине спиной и быстро развязал пояс халата. В следующее мгновение белоснежный халат соскользнул с его плеч.

Цинь Чэн:

— !!!

Жун Сюй небрежно снял халат, оставшись абсолютно голым, и, как обычно, начал переодеваться в пижаму.

Когда он оказался без халата, его безупречная нежная белоснежная кожа стала мерцать на свету, словно белый нефрит.

Хрупкие лопатки вздымались и порхали, словно бабочка...

Широкие плечи, узкие бедра, изящная гладкая талия, стройное высокое тело, отнюдь не лишённое мышц... Да одна лишь его спина была настолько прекрасной, что мужчина не мог отвести от неё замороженного взгляда!

Однако обладатель этого тела даже не подозревал, насколько он соблазнителен.

Он слегка наклонился, пытаясь отыскать пижаму в шкафу. Когда он наклонился, взгляд мужчины невольно скользнул вниз, по тонкой талии и гладкой спине, прямо к...

Бум!

— Цинь Чэн?!

*chī dòufu (豆腐): в буквальном смысле «съесть тофу».

Происхождение данного сленгового выражения таково: в Древнем Китае, когда кто-то умирал, его семья проводила щедрую церемонию угощения друзей и родственников. Они готовили еду, включая тофу, для того, чтобы сытно накормить людей. Некоторые люди приходили на данную церемонию из корыстных соображений. В современном китайском языке данная фраза означает «воспользоваться кем-либо», часто с сексуальным подтекстом.

<http://tl.rulate.ru/book/3652/91114>